

Буторов Никита

Человек, убивший бога

СОДЕРЖИТ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+ РИТ

18+

Никита Сергеевич Буторов

Человек, убивший бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67026928

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-92764-3

Аннотация

Начало XX века, Санкт-Петербург. Четверо революционеров, загнанных в угол царской охранкой, идут на отчаянный шаг – ограбление церкви с целью добыть средства на оружие. Однако для одного из них, Никиты, эта авантюра оборачивается кошмаром, который превосходит все его представления о реальности. Вместо простой кражи ценной иконы он совершает невообразимое – убивает монаха, в облике которого на Землю сошел сам Бог.

Это убийство влечет за собой цепь катастрофических событий. Мир, лишенный своего создателя, погружается в хаос, и буквально на следующий день начинается Первая мировая война, словно выпустившая на волю всю накопленную человеческую жестокость.

Охваченный ужасом и чувством вины, Никита пытается бежать от прошлого, но оно настигает его в окопах Восточной Пруссии. Брошенный в кровавую мясорубку войны, он вынужден сражаться не только с внешним врагом, но и с внутренним

демоном – осознанием того, что он, простой смертный, стал причиной величайшей трагедии в истории человечества.

Никита Буторов

Человек, убивший бога

Человек убивший бога.

Н. С. Буторов.

Не будет мира,
Мира нет!
Мы все враги,
Мы все с ножами,
Мы все со шрамами от стали!
Мы все устали,
Но взять и бросить сталь подальше...
Смешно! Продолжим дальше!

Запах крови режет разум,
Разум выпрыгнул с ума.
И уж ему нет в правде сласти —
Ему лишь всласть, в запале страсти,
Рубануть по плоти сталью —
Вот веселье для ножа!

Казалось, всё, утихли страсти...

А нет же, сука, нужно больше красных пятен!
И давай по новой: правде
И по правде, и без правды —
Резать, вешать и стрелять,
Продолжая убивать,
Упиваться сладостью боли,
В боли страсти утолять.
Ведь человек для человека – враг!

Часть 1

Бог есть все и есть ничто.

Глава 1

Призрачный северный свет белой ночи пробивался в просторную комнату, играя бледными отблесками в клубах табачного дыма. Четверо мужчин сидели в скупом свете керосиновой лампы, мерно потягивая крепкий, дешёвый табак из потемневших трубок. Густой, тяжёлый дым висел в воздухе сизой пеленой, перемешиваясь с запахом дегтя и пота. Ти-

шину в затхлой комнате нарушали лишь хриплый посвист при затяжке, да навязчивый скрип шаткой половицы, когда кто-то из них менял позу. Они молча, исподлобья, вглядывались друг в друга, и в этом многозначительном молчании, в этом встревоженном взгляде, читалось всё – и общая решимость, и гнетущая тревога, и понимание того, что назад дороги нет.

Первым не выдержал Иван. Он с силой стукнул прокуренной трубкой о жестяную пепельницу, заставив остальных вздрогнуть. Его лицо, изрытое оспинами, исказила суровая гримаса.

– Товарищи, видно, иного выхода у нас и не осталось. Это ограбление – единственный способ быстро раздобыть деньги на дело.

– Иван, мы обязаны изыскать иной путь! – тут же парировал высокий, статный Никита, нервно проводя рукой по пышным темным бакенбардам.

– А какой, позволь спросить? – вскинулся коренастый Григорий, его широкое лицо покраснело. – Где ты сыщешь нам более лихой заработок? Или забыл, что день торжественного прохода – уже через четверо суток!

– Помню я! – Никита, уподобляясь старшему товарищу, ударил кулаком по столу, заставив подпрыгнуть чарки. – Но украсть чудотворную икону, на которую полгорода молится? А назавтра сбыть её какому-то сомнительному типу? Это чистой воды безумие! Церковники поднимут на ноги всю по-

лицию. Нас вычислят быстрее, чем успеем моргнуть.

– Спокойнее, друзья, в таких делах требуется трезвый расчёт и хладнокровие, – вступил четвертый, Дементий, поправляя пенсне. – Прав ты, Никита, дело опасное, и покупатель ненадёжный. Но и Иван с Григорием предлагают единственный возможный вариант. Лучшего, увы, нет. Мы все ходим по лезвию. Со дня на день охранка прижмёт нас к стенке. На прошлой неделе еле унесли ноги. Если не раздобудем денег на взрывчатку и оружие – сгинем за так.

– А если возьмут при ограблении? Что тогда, Дементий? – голос Никиты сорвался на шепот. – Всему конец. Мы единственные из ячейки остались в строю. Так подставляться – безрассудство.

– Да что там мудрить-то? Дело – плевое! – Иван выпустил струю едкого дыма, разглядывая потрескавшийся мундштук своей трубки. – Антиквар этот, он ж мозги набекрень не положил – говорит, образ стоит себе в храме, как сирота казанская, ни дьячка, ни пономаря!

– А с чего, позволь спросить, он так уверен? – Никита сдвинул свои густые бакенбарды в горькой усмешке. – И как это он, твой антиквар, на тебя, Ваня, вышел-то? А? Словно шпик какой на конспиративной квартире!

– Болтай меньше! Старый кореш отца моего, торгаш старьём. Шныряет, где пахнет наживой, как крыса в амбаре.

– И этот твой «кореш» доподлинно ведаёт, что жемчужину русской иконописи, которую пол-России своровать норо-

вит, сейчас – гол как сокол? – Никита нервно провёл рукой по лицу. – Да её, мать твою, каждый второй охотник за сокровищами на мушке держит! А уж в Питере-то, поди, охрану устроили – любо-дорого посмотреть!

– Так он же её в руках держал, подлинность удостоверял! – вспыхнул Иван. – Сам настоятель, понимаешь, к нему с поклоном. Три дня, говорит, щупал, глазом смерил – ни швейцара, ни сторожа!

– С какого перепугу понадобилось подлинность-то устанавливать? – прищурился Никита.

– Ну, в дороге там что-то приключилось... Может, жулики покушались, черт их знает. Не в том суть-то! Суть – что сейчас в церкви та самая икона, за которую нам шальные деньги сулят!

– Да это же бред сивой кобылы! – Никита не выдержал. – Чистой воды подстава! Охранка эту удочку закинула, я тебе божусь! Чутьём чую – пахнет жжёным!

– Будет тебе, Никита, мозги полоскать! – резко оборвал его Григорий, ударяя ладонью по столу. – Альтернативы нет, вот и вся недолга. Беремся за дело, и точка. Не хочешь – вали на все четыре стороны, сиди тут один, как сыч в дупле.

– Ах вы так? – Никита зло усмехнулся. – Чёрт с вами, раз уж решили лезть в пекло – без меня не останетесь. Да и коли вас возьмут, то и мне в охранке вольготно не будет.

– Вот и славно, – кивнул Дементий, разворачивая на столе истрёпанный план. – Значит, завтра с вечерней зорькой – на

дело. Ваня, передай своему антиквару, чтоб к полуночи был на месте с деньгами. Как только икона в руках – сразу к нему, получаем гроши и за оружием. Понятно?

– Понятно, – хором буркнули трое.

– Ладно. Теперь, братцы, давайте-ка ещё разок пройдемся по плану. Григорий, ты ж территорию осмотрел. Где заходить будем?

– Самый сподручный ход – с заднего крыльца, со стороны Невы-матушки, – ткнул он заскорузлым пальцем в план. – По ночам там – хоть шаром покати, да и липами всё засажено – самая что ни на есть малина. Снимем замок – дальше все как по маслу. Пробрались на территорию – лезем в главный притвор. Там, за иконостасом, по словам антиквара, лесенка наверх выётся. На антресолях образ и припрятан. Так, Ваня?

– Так, – подтвердил Иван. – На ночь её поднимают, чтоб подальше от греха.

– Погодите-ка, – Никита нахмурился. – Я ведь помню, у них там специальная кладовая для утвари есть. Почему бы не убирать её туда?

– Антиквар сказывал, попы ту комнату над алтарём самой надёжней считают.

– Странное дело: о сохранности пекутся, а караул не выставляют...

– Брось ты, Никита, морочить голову! – Иван с раздражением махнул рукой. – Охрана только лишние глаза вокруг. Да и в городе ещё никто не знает, что образ тут уже неделю

как. Покажут его только к концу месяца.

– Ладно. Пробраться наверх – дело нехитрое. А вот первый этаж, главный зал – вот где засада может быть. Могут и монахи бдеть, и причетники. Думаю, надо отвлечь их внимание. Поджѐг, скажем, в стороне от храма, в кладовых.

– Но тогда поднимется переполох, – задумчиво теребя ус, заметил Дементий. – Как нам тогда уходить?

– Можем переодеться в рабочую робу. В суматохе на нас и внимания не обратят.

– Ну да, конечно, – фыркнул Григорий. – Трое попов с огромным свѣртком семян к задним воротам, а вокруг пожар. Совсем никто не заподозрит.

– А у тебя есть идеи получше, Никита?

– Нужно что-то, что отвлечѐт, но паники не поднимет.

– И что же, интересно? – Иван с нескрываемым раздражением посмотрел на него. – Может, хор ангелов пригласим?

– Например, небольшую потасовку. Если с главного входа, где всегда народ, ввалятся шестеро-семеро подвыпивших мужиков и устроят драку прямо у стен церкви – всё внимание будет там. Минут десять, а то и больше, нам обеспечено.

– Маловато будет, – выпуская струю дыма, покачал головой Дементий. – Лучше уж настоящий хаос, где можно затеряться, чем какая-то бутафорская потасовка.

– В хаосе нас запросто вычислить могут! – не сдавался Никита.

– А ты что скажешь, Григорий?

– Я тоже за поджѣг.

– Значит, на том и порешили.

– Выходит, я у вас сегодня не почете, товарищи? – горько усмехнулся Никита.

– Никита, не кипятись, – спокойно сказал Дементий. – Хаос – лучшая маскировка для тех, кто хочет остаться невидимкой.

– Ладно, будь по-вашему!

– Вот и славно. Тогда так: Иван, ты отвечаешь за поджог. Мы втрѣм проникаем внутрь и забираем образ. Григорий остаѣтся на первом этаже на стреме, пока мы на втором. После все возвращаемся сюда. С собой берѣм стволы – на всякий пожарный. Все согласны? Отлично.

Ничего отличного здесь нет, подумал про себя Никита. То, что они с товарищами задумали, шло вразрез со всем, во что он верил. Но, видимо, действительно, другого выхода нет. Он знал, на что шѣл, когда вступал в революционную ячейку, знал, что для достижения цели придѣтся совершать гнусные поступки.

С тяжѣлой решительностью Никита, по примеру своих товарищей, встал из-за стола и направился к выходу с конспиративной квартиры. На улице его обдал холодный, пропитанный свинцом ветер.

В начале двадцатого века весь Петербург был утыкан фабриками и заводами, день и ночь нещадно коптившими небо. За исключением центральных районов, где, как прави-

ло, обитала местная богема и государственные чины, город представлял собой печальное зрелище: грязь, хилые хибарки, сколоченные рабочими, обшарпанные фасады разваливающихся домов и смердящий запах, отравляющий лёгкие похуже табачного дыма. Процесс модернизации, веяния нового времени, расслоение общества на классы шли рука об руку с античеловеческими условиями, в которых жили и работали простые люди, не избалованные судьбой. Таким, как Никита, приходилось работать по двенадцать-пятнадцать часов в сутки за гроши, на благо какого-то дворянина, который не ставил их жизни ни в грош. Социальное напряжение росло с каждым днём. Таинственная угроза восстания витала в воздухе, медленно укореняясь в человеческом рассудке, укрепляясь в сознаниях представителей любого класса. Верхи предпочитали не замечать, низы боялись, и пока лишь единицы были готовы действовать.

И Никита был одним из тех, кто решился бросить вызов современности, всецело мечтая о лучшем мире и будущем. Почувствовавший одним из первых грядущую перемену ветра, впитавший учения Маркса и Энгельса, он вступил в ряды революционеров.

Распрощавшись на крыльце парадной со своими друзьями, Никита направился вверх по улице к своему жилищу. Сейчас ему очень хотелось напиться, но это было бы опрометчиво – на завтра нужно быть в здравом уме. Всю дорогу до дома его терзали сомнения в правильности их замыс-

ла. Человеком он был не религиозным, но и не отъявленным атеистом, жаждущим разрушить «старый мир» под корень, как большинство марксистов того времени. Похищение церковных ценностей казалось ему не лучшим решением – ведь православие являлось столпом формирования русской культуры, той самой культуры, что должна была лечь в основу нового государства. И лишать её одного из драгоценнейших шедевров ради денег было глупо и кощунственно. Но и откладывать выступление было нельзя. Охранка действительно подобралась к ним слишком близко. Каждый день промедления грозил провалом, а у них даже не было взрывчатки. Единственный человек во всём Петербурге, готовый продать им её, заломил цену до небес. Наверное, лучшим решением было бы ограбить его, получив всё и сразу, но он окружил себя охраной. Вчетвером с ней точно не справиться.

Когда Никита оказался в своей комнате и готовился ко сну, он лишь надеялся на одно – что это похищение станет единственным компромиссом, на который он согласится в своей борьбе. Хотя где-то глубоко внутри он прекрасно понимал, что надеяться на такое слишком наивно. Слишком уж сложная стояла перед ними задача, на пути к которой предстояло совершить ещё сотни проклятых компромиссов. Но, как говорится, надежда умирает последней.

Следующий день терзал всю группу заговорщиков томительным волнением. Всем было страшно, но страх не смог победить в сердцах четверых. Ближе к шести вечера заговорщики вновь собрались на квартире, уже готовые к свершению своего преступного, но безальтернативного умысла.

– Готовы? – твердым голосом обратился ко всем Дементий. – Ваня, как дела с поджогом?

– Отлично. Сегодня утром я еще раз осмотрел территорию. Хозяйственные здания набиты соломой, огонь разгорится быстро. Но и действовать надо так же быстро. Штаб пожарной охраны находится в квартале от храма, так что брандмейстеры придут быстро. Если повезет, пожар привлечет внимание местных зевак, тогда затеряться в толпе будет еще проще.

– Хорошо. Григорий, пистолеты при тебе?

– Да.

– Тогда начинаем через два часа. Ровно в восемь, с колокольным боем, ты, Иван, устраиваешь поджог. Как только пламя разгорится, мы вдвоем входим через задние ворота. Народ уже будет отвлечен пожаром. Будем надеяться, проблем не возникнет.

Как и было условлено, около восьми вечера товарищи ожидали сигнала у задних ворот храма. Колокольный звон, спустя несколько минут после их прибытия, стал громогласно разноситься по округе. В течение следующих десяти минут показалась дымка разгорающегося пожара. Сигнал.

Григорий ловкими движениями отмычки отпер замок, и все трое вошли на территорию. Никого не было. Запах гари чувствовался очень сильно. План сработал – пожар отвлек внимание.

– Бегом в церковь! – с легкой ноткой волнения приказал Дементий.

Миновав небольшой дворик, грабители очутились внутри церкви. По счастью, и здесь никого не осталось.

– Давайте, быстрее накидываем одежду.

Все трое напялили на себя церковные рясы. Григорий остался сторожить у входа, а Никита с Дементием, оказавшись внутри собора, направились в сторону величественного иконостаса. По центру его, замаскированная под образ Богоматери, по православному обычаю, была дверь, ведущая на второй этаж.

– Надеюсь, там тоже никого нет, – шепотом протараторил Никита.

Но их ожидало разочарование. В просторной комнатке с маленькими окнами-бойницами, зарешеченными стальными прутьями, и со стеллажами, хранящими церковные реликвии, прямо посередине, у стойки с иконой, ради которой они сюда и пришли, стоял хилого телосложения, бритый на монашеский манер мужчина, облаченный в серую робу. Этот, судя по всему, служитель церкви мгновенно обернулся в сторону двери. Его лицо на какие-то доли секунды исказилось, но сразу же приняло спокойные черты. Он застыл на

месте, со спокойным лицом, так и смотря на двух выраженных в рясы бандитов.

– Скорее уходим, на улице пожар, здесь небезопасно, – импровизируя на ходу, заговорил Дементий.

– Нет нужды в панике, огонь сюда не доберется, – с одновременно отцовской твердостью и мягкой доброжелательностью раздался голос монаха.

Никита почувствовал, как его тело медленно окутывает тревога: руки слегка тронула дрожь, по коже пробежались мурашки. Он посмотрел на Дементия. В его глазах тоже звенела тревога, постепенно сменяющаяся страхом. Можно было подумать, что это следствие неожиданных неприятностей – обычное раздражение, которое испытывают все люди, когда что-то идет не по их задумке. Но нет, это были совсем другие эмоции, их было невозможно описать. Единственная более-менее верная характеристика – это смешанный трепет, трепет, объятый любовью и ненавистью, сопровождаемый первобытным страхом. Несомненно, причиной таких иррациональных, необъяснимых чувств был этот самый монах.

Палитра чувств за доли секунд окатывала волной, принося все новые и новые эмоции. Будто корабль, попавший в шторм, не способный сопротивляться морской стихии, стремится скрыться в морской пучине, так же и тело Никиты принимало эти нахлынувшие эмоции.

Нужно было что-то делать. Избавиться от этого странного

старика и забрать икону.

— Нет, мы здесь в опасности! — спустя минуту тишины выпалил Дементий. — Нужно уходить.

— Я никуда не уйду.

— Вы не понимаете, скоро огонь перекинется на церковь! — Дементий продолжал свои судорожные и отчасти сумасшедшие убеждения. Казалось, со стороны, будто он помешался, но остановить его никто не мог. — Хватит препираться, идите отсюда, бегите! Мы обо всем позаботимся, спасайтесь!

Бесполезно. Монах не тронулся с места. Лишь на его лице появилась странная ухмылка. А время шло. Нужно было уже что-то делать, иначе вся операция пошла бы коту под хвост. И тут Никита вспомнил, что у него с собой пистолет. Да, он с ним, болтается на поясе. Нужно вытащить его и пригрозить старику, пусть испугается и убежит. Нет, нельзя. Старик видел их лица, да и вряд ли поверил рассказам Дементия. От него необходимо избавиться.

Пока мысли роились в голове, руки принялись действовать. Дементий продолжал нести бред, всеми правдами и неправдами пытаясь убедить монаха бежать. Его аргументы доходили до смешного. Он был слишком сконцентрирован на монахе, на своем потоке мыслей, чтобы увидеть, как Никита отводит руку назад, как берется за стальную рукоятку пистолета. Только когда рука из согнутого положения приняла прямую, параллельную земле форму с пистолетом в руке, он понял, что собирается сделать его товарищ. Понял и

воспротивился всем своим нутром, но ничего не успел бы сделать.

Раздался выстрел. Пуля вылетела из железного ствола, вся объятая огнем, и устремила в цель, намеченную хозяином. Сталь с невероятной силой врезалась в плоть. Выстрел прошил тело старика насквозь, и тот рухнул на деревянный пол.

Еще мгновение Никита держал руку вытянутой. Все эмоции, все чувства, все сумасшествие, происходившие внутри него несколько мгновений назад, закончились. Он опустил руку и обратил свой взор на товарища. Но что-то было не так. Дементий застыл; казалось, он даже не дышит. Никита обернулся по сторонам – и все было застывшим: мелкие пылинки повисли в воздухе, легкая дымка, исходящая от свечек во всей комнате, была недвижима, хаотичные движения огня остановились. И самое странное – это кровь. Монах рухнул замертво с пулевым отверстием, из которого должна была идти кровь, но ее не было. Никита наклонился поближе, чтобы рассмотреть нанесенное ранение, и ужаснулся. На месте, куда попала пуля, ничего не было.

Он затрясся, отпрянул к стенке, ничего не понимая. Как такое возможно? Он видел, как пуля врезалась в голову, он видел это своими собственными глазами. Но если он не попал, если взгляд подвел его, и пуля пролетела мимо, так и не задев монаха, почему старик рухнул на землю и почему все живое остановилось? Может, он сошел с ума и ему все это мерещится?

Вдруг из маленьких бойниц-окошек в комнату пролился свет – очень яркий белый свет. Он ослеплял своей белизной. Пришлось даже прищурить глаза. В этом свете выделился силуэт, очень похожий на человеческий, с одним лишь отличием: по бокам от спины, словно, выступали крылья. Или это и были крылья?

Спустя мгновение яркий свет померк, и перед Никитой предстало нечто, до боли похожее на человека, но с настоящими белоснежными крыльями, точно такого же цвета, что и кустистые облака. А лицо создания было воистину прекрасным; каждое его движение было грациознее изгибающегося на ветру осеннего листа. Невольно в голове всплыло слово «ангел». Но это невозможно. Неужели глаза его не обманывали и перед ним, точно из библейских сказаний, стоял настоящий ангел?

– Кто ты? – испуганно спросил Никита у только что появившегося нечто.

– Я ангел, человек! Хранитель воли господней. Я пришел в ваш мир за его телом.

Не дожидаясь ответа, ангел склонился над телом сраженного старца, но спустя мгновение поднялся в полный рост и обернулся к Никите, будто бы предугадав последующие слова незадачливого убийцы. – Телом этого монаха? – до сих пор не веря всему что здесь происходит, недоуменно спросил Никита.

– Это не монах. Это есть Бог! Бог, в которого ты не веришь, глупец.

– Нет, это невозможно, черт побери. Тебя не существует, я сошел с ума. Я не убивал никого, тем более Бога.

– Лжец, не смеющий взглянуть правде в глаза! Ты его убил.

Ангел с показным отвращением, кипящий от ненависти, отвернулся от Никиты и наклонился к телу. Он нежно поднял голову трупа, всматриваясь в лицо. Библейское создание, подобно человеку, оплакивало смерть творца, скорее всего, впервые познав смерть в привычной для нее форме. Но прощаться со своим отцом на глазах убийцы ему явно не было никакой охоты. Собравшись с силами, небожитель охватил тело мертвого Бога своими могучими руками.

– Что ты делаешь?

– Забираю его с собой.

– Куда?

– Довольно вопросов!

– Нет, ты должен ответить, что происходит. Допустим, я поверю, что все это правда, тогда как я, простой человек, смог убить Бога?

– Он слишком любил вас и предпочитал землю небесам. Он ходил среди вас в своей физической оболочке, наблюдая за вашим родом, – с презрением начал разгневанный ангел. – Господь вложил всю свою силу в земной сосуд, а ты его уничтожил! Ты не заслуживаешь этого знать, но я рассказал тебе

это только для того, чтобы ты страдал. Ты тот, кто уничтожил Бога, ты тот, кто отобрал свет рая у людей. Теперь ваш род сам по себе, без яркого маяка, служившего пристанищем душ. Отныне людей ждет вечная тьма посмертия и ничего больше! – закончил ангел.

– Ты хочешь сказать, что рая или ада больше нет?

– Все, что я должен и хотел сказать, уже прозвучало. Больше никаких ответов. Будь моя воля, я бы уничтожил тебя, но Бог велел нам не вмешиваться в земные дела никогда, и из-за любви к нему я сдержу данную клятву, данную творцу бесчисленные тысячелетия назад. Только поэтому ты останешься жить.

Едва уста ангела сомкнулись, он тут же расправил свои крылья и устремился вверх, к небесам, с мертвым божеством в своих объятьях.

– Не стреляй! – вдруг заорал Дементий, но тут же осекся, переводя взгляд от своего товарища на то место, где был монах. – А где он?

Никита стоял, облокотившись на стенку. Его ноги подкосились от знакомого голоса. Он тупо посмотрел на товарища, не в силах произнести ни слова.

– Что с тобой? – Дементий бросился к другу. – Чертовщина какая-то. У нас нет времени. Поднимайся, я беру икону и уходим.

– Помоги мне, – отстранённым и даже испуганным голосом прошептал Никита.

– Сейчас!

Дементий обернул икону в тряпку и помог Никите подняться. Товарищу буквально пришлось водрузить своего ослабшего сообщника на плечи и с ним спускаться по узкой лестнице вниз, где их ожидал Григорий.

– Гриша, бегом сюда!

Григорий рванулся от выхода к иконостасу, откуда вышли подельники.

– Я слышал выстрел, были проблемы? Он ранен?

– Нет, проблем не было. Парню поплохело, черт его дери. Окуни его в чан с водой и уходим. Никто не заходил?

– Нет, все спокойно. Если все гладко, то откуда был выстрел?

– Я не знаю! Мы ничего не слышали, – соврал Дементий.

Гриша, не задавая больше вопросов, притащил тазик со святой водой из противоположного иконостасу конца церкви. Дементий схватил рукой голову Никиты и окунул ее в воду.

– Ну что, парень, очнулся?

Разум Никиты проявился. Страх отступил, он снова вернулся в реальность.

– Помогло.

– Все, уходим.

Троица спешно выбежала из церкви. Дым от пожара застилал весь внутренний двор. Отовсюду доносились крики. Сквозь белую завесу то тут, то там мелькали силуэты мечу-

щихся людей. Товарищи направились к задним воротам. На их счастье, им не повстречалась ни одна живая душа, хотя вряд ли кто обратил на них внимание в таком хаосе. Но рисковать лишний раз было опасно. Ворота, взломанные Гришей, остались открытыми. И вот они вышли за пределы храма. На улице народ валил со всех сторон. Кто-то помогал тушить огонь, остальные просто глазели.

Им нужно было немедленно уйти во дворы, подальше от людской массы. Только вот сделать это оказалось не так просто. Народу была куча, приходилось протискиваться сквозь человеческие ряды, а люди озирались на них, выкрикивали вслед ругательства. Дементий шел в середине, скрывая икону под плащом, в то время как Григорий и Никита шли соответственно спереди и сзади, оберегая его и прорезая путь, словно корабельный таран, прокладываящий путь сквозь льды. Пару раз чуть не завязалась потасовка, но слишком высокая плотность толпы оберегала их от бессмысленной драки, не давая оппонентам достаточного места для любимого в народе мордобоя.

Выбирались трое из толпы минут двадцать, но фортуна все же благоволила им. Толпа сама вынесла товарищей к столь желанным дворовым лабиринтам, которые те знали как свои пять пальцев. Оказавшись на знакомой территории, добраться до квартиры уже не представляло трудности.- кошмар сколько народу набежало- заговорил Григорий.

– Да, я не ожидал, что пожар наведет столько шуму. Но

это нам на руку, – поддержал разговор Дементий.

– Ты как, Никита?

– Нормально.

– Что с тобой случилось? – не отставал Григорий.

– Просто в глазах потемнело. Ничего, бывает.

Никита не хотел рассказывать о том, что произошло в церкви. Поверить ему мог только Дементий, так как сам был очевидцем и испытал тот же сумасшедший страх. «Когда все закончится, тогда, – решил Никита, – он с ним обсудит произошедшее, а пока лучше помалкивать».

Но мысли о случившемся не покидали его всю дорогу. Неужели он, простой человек, действительно убил Бога – всемогущее сверхъестественное существо, создавшее все, что его окружает, создавшее его самого? И что же будет с людьми после этого, если Бога больше нет? Тут ему вспомнились слова ангела о свете рая, будто бы он отобрал его у людей. Значит ли это, что в посмертии, как и предсказывает Библия, человека ожидал вечный мир, а он своими действиями забрал право на вечную жизнь у человечества? Тогда что же ждет их всех, когда земной срок подойдет к концу?

Каждая догадка порождала еще больше вопросов, и ни на один он не мог ответить. Как бы ему хотелось, чтобы все это оказалось обманкой разума, галлюцинацией, но никак не правдой. Хотя в глубине души уверенность в реальности тех событий была нерушима.

– Ну наконец-то! Я уж думал, вас шлепнули где-нибудь в

переулке. Где вас чёрт носил?

– Твой поджог, Иван, собрал полгорода. Еле просочились сквозь эту толчею.

– Виноват, Дементий, малость переборщил.

– Как так вышло?

– Огонь-то оказался прытким – перекинулся на соседние строения, а там и до жилых домов недалеко.

– Так вот откуда эта гарь!

– А я тебе говорил – нужен маленький, контролируемый пожар, чёрт возьми! – Григорий с силой швырнул окурок.

– А что я мог поделаться? Солома сухая оказалась, горит как порох.

– Прекрасно! Теперь мы за пол-улицы в ответе!

– Не драматизируй, Гриша. Не такие уж и большие там выгорели участки.

– Ладно, что сделано – то сделано. Образ у нас, это главное. Пошли в дом, нечего тут под открытым небом толкаться. Никита, ты чего замер?

– Иду... – тихо отозвался Никита, всё ещё глядя в сторону зарева.

Глава 3

Четверо поднялись в квартиру. На улице начало моросить, да и заметно похолодало, так что, оказавшись дома, все прильнули к теплой печи, заботливо растопленной Иваном.

– Ну что, отметим успех предприятия?

– Рано, – сурово отозвался Дементий. – Сначала нужно получить деньги и оружие.

– Ну, это терпит до завтра.

– Нет, Иван, это дело не терпит. Сейчас немного отогреюсь и пойду к антиквару.

– Да ладно, он наверняка дрыхнет в своей постели.

– У нас с ним договоренность, и держать ее у себя больше, чем надо, я не собираюсь.

– Хорошо, как скажешь. А что тогда прикажешь делать нам?

– Сидите здесь, не высовывайтесь.

Повисла тишина. Все, кроме Ивана, были не в своей тарелке: Дементий был хмур, он уселся у печки и молча смотрел в пламя; Гришу, судя по всему, очень сильно разозлила ситуация с пожаром – он всегда был сердобольным, и причинять больше вреда людям, чем нужно, его никак не устраивало; Никита же просто выглядел потерянным, ему не терпелось поговорить с Дементием, но время было неподходящее.

Так они просидели минут пятнадцать. Наконец Дементий оторвался от печи, встал во весь свой богатырский рост и, не произнеся ни слова, взял икону и покинул квартиру. Их осталось трое.

– Что с ним такое? – тихо спросил Иван, кивая в сторону Никиты.

– А сам как думаешь? – мрачно буркнул Григорий.

– Да я ж не виноват, ей-богу! Огонь – стихия, её не уй-

мёшь. Согласен, Никита?

– Что?

– Говорю, пламя не подчинишь. Не я же поджёл те дома.

– Да... Ты прав.

– Вот видишь! – Иван обернулся к Григорию. – Он со мной согласен.

– Ты посмотри на него – сам не свой! – Григорий сжал кулаки. – В церкви он был белее стены, а сейчас словно призрак. От него толку не дождёшься.

– Никита, ты как, здоров? – прищурился Дементий.

– Всё в порядке... Просто знобит немного. Наверное, простудился.

– О, это мы быстро исправим! – Иван с победоносным видом достал из кармана плоскую флягу. – Самая ядрёная самогонка в городе! К утру будь здоров!

– Дементий дверь на замок, а ты сразу за бутылку, – покачал головой Григорий.

– А что? Не пропадать же добру! – Иван уже расставлял стаканы. – Или ты откажешься? А ты, Гриша?

– Чёрт с тобой, наливай.

– Вот это по-нашему! Никита, присоединяйся!

Пить ему не хотелось, но нужно было заглушить навязчивые мысли. Да и Иван не отстал бы. Они уселись за стол. Иван с шумом разлил мутную жидкость. Резкий запах сивушного масла ударил в нос.

– И что это за отравка? – поморщился Григорий.

– Зажми нос и пей! – рассмеялся Иван. – Говорю тебе, лучше не найдёшь! Ну, за нас, братцы!

Пить ему совсем не хотелось, но нужно было как-то отвлечься от бесконечного потока мыслей, да и Иван так просто не отстанет. Все трое уселись за стол. Иван разлил по стаканам самогонку. Острый запах спирта ударил в нос.

– И где ты эту бурду раздобыл? Воняет, как в аптеке!

– Зажми нос да пей, не ной! Уверяю, лучше этой сивухи в городе не сыщешь. Ну, давайте, братцы, за наше дело!

Стаканы опрокинулись почти синхронно. Алкоголь обжёг горло, разлился по телу тёплой волной, согревая уставшие мышцы.

– Ну и крепко, – морщась, отозвался о напитке Никита.

– Ничего, вторая легче пойдет.

Алкоголь действительно помог немного отвлечься. Третий «залп» развязал до того молчаливые языки.

– Наконец у нас есть возможность избавиться от Николаши, – завел свою любимую шарманку Иван. – Сколько кровушки этот урод попил нашей, пролетарской! Теперь гад за все ответит.

– Тоже мне нашелся пролетарий, – с дружеским ехидством кольнул Григорий. – Сам-то всю жизнь в полях провел, на заводе, дай бог, месяц продержался.

– Ничего подобного, братец! Я на заводе с год отпахал, пока сюда не перебрался. Здесь, да, правда твоя, на местном всего недели три продержался, но ушел-то я из-за вас, това-

рищи, и, конечно же, приверженности идеям Маркса.

– Ты «Капитал»-то хоть читал?

– А ты? То-то же! Тут у нас грамотный только Дементий Иванович да Никитка. Мы с тобой, Гришка, лишь солдаты великой войны.

– Звучит как тост, – встрял в разговор Никита.

– Ну, в желании с царем поквитаться я с тобой согласен, Ваня. Уж этот урод мне за все ответит.

– А вы думали, что будет после? Ну, я имею в виду, если у нас получится убить царя? – спросил отрешенно Никита.

– Конечно. Тут и провидцем быть не надо. Ты ж у нас смышлёный, вспомни пятый и седьмой год. Народ тогда уже восстать готов был, да царёвы собаки всё в корне придушили. Если б тогда еще самодержца прикончили, то точно революция верх взяла бы. А так удержались на местах, подлецы.

– Ты так уверен в этом, Иван, думаешь, народ пойдет за нашей правдой?

– Конечно, а куда ему деваться? Все пролетарии за нас, соответственно и города под нашим контролем. В деревнях всё будет так, как город повелит. Вот и вся правда.

– Ну, не все сразу, конечно, – вставил свои пять копеек Григорий. – Сначала Петербург начнет стачку. Тут разгорится искра. Кадеты и эсеры выдадут рабочим ружья и возьмут власть в свои руки. Дальше уже пламя разгорится по всей стране.

– Надеюсь, вы правы. Хоть бы всё обошлось малой кро-

вью!

– Малой кровью тут не обойдешься, Никита! Как минимум, всех чинов царских перебить нужно будет за то, что те против рабочих козни строили, а их по стране многовато наберется. Ну, а когда передел собственности начнется, недовольные кулаки и прочие бухтеть начнут, с ними тоже разбираться придется да наказывать, чтоб другим неповадно было.

– Согласен! – вскрикнул Григорий. – Всю буржуазную нечисть – к стенке! Из винтовок! – ударив громко кулаком по столу, закончил Гриша.

– И так уже крови достаточно после войны с японцами. Хватит ее уже. Устал народ русский от нее.

– Молодой ты еще, Никита, не понимаешь ничего.

– Да, это точно. Ты думаешь, новые порядки установить легко? Нет, брат. Ты книжек начитался, где все миром решают. Вот знали бы Маркс с Энгельсом всё, что у нас творится, а не в их Германии, сами бы только про реки крови писали. Вон, того же Ленина возьми, умнейший человек, но понимает – здесь без крови не обойтись.

– Ленин твой – трус! Сидит в Европе безвылазно, ничего не делает, съезды дурацкие проводит. Не коммунист он! – заядло, захмелев, воспротивился Иван.

– Тише ты! Ишь, морда пьяная заговорила. Вот запомни мои слова, когда революция свершится, он на управляющих местах будет, без него мы ничего не построим.

– Чушь! Говорю я, трус он и всё тут! Не бывать тому, что он над нами, плешивый, встанет. Керенский не допустит этого слюняя до власти!

– Хватит уже, оба! Еще дело не сделали, а уже планируете, как страну устраивать, будто кто-то вас спросит, – окончил перепалку Никита.

Старшие товарищи рассмеялись по-дружески.

– Прав молодой, что мы зазря воздух сотрясаем. Давай, Ваня, наливай.

Голову плавно начал окутывать хмельной туман, оттесняя всё на второй план. Тепло комнаты медленно томило разум. И спустя час бутылка была уговорена до последней капли.

– Что-то долго ходит Дементий.

– Ничего не долго! От силы прошло полтора часа, – возразил Ваня Григорию. – Ну это много, чтобы отдать икону и узнать, где забрать обещанное нам, так и антиквар еще не далеко, собака, живет.

– Ну, может, пытается вытрясти с него больше, я почему знаю. Ты не переживай, Дементий свое дело знает.

– Ладно, пойду на улицу выйду, а то душно тут больно. Никита, подай табак.

– Постой, я с тобой.

Иван и Гриша ушли. Никита вновь остался один на один с собой. Его мучал один лишь вопрос, от которого зависит всё.

Пот выступил на бледной коже. В квартире действительно было жарковато. Он поднялся из-за стола, чтобы открыть

окно. Старые ставни с трудом поддались. В помещение ринулся холодный воздух. Никита вздохнул полной грудью и посмотрел наружу.

Внизу, гонимые ветром в Балтийский залив, шумели волны. Вообще, эта часть города – единственная, по-настоящему похожая на Венецию, образ с которой неминуемо сравнивали столицу Российской империи. Со стороны дома, в котором размещалась квартира, не было привычной мостовой; точнее, её вообще не было. Дом своим фундаментом уходил прямо в канал. Архитекторам пришлось даже заложить двери и продумать систему швартовки лодок прямо к стене. Напротив же мостовая была, причём с типичными для Петербурга ступенями, спускающимися к воде. Никиту всегда удивляла такая странность, но он ещё не знал, что только благодаря ей он выживет.

Погруженный в раздумья, он наматывал круги вокруг стола, не обращая внимания на долгое отсутствие товарищей. Вдруг послышался хлопок дверью и крики Ивана.

– Быстрее сюда, помоги мне!

Никита ринулся к товарищу.

– Что случилось?

– Двигай шкаф, нужно забаррикадироваться. Чертова охранка нашла нас!

Они вместе опрокинули шкаф, загородив входную дверь.

– Пистолет с собой?

– Да.

– Доставай.

Никита достал свое оружие из кобуры. Его руки начали трястись. Тут же в дверь начали ломиться. Товарищи ринулись в зал. Иван ловко перевернул стол – он стал прикрытием для них в назревающей перестрелке.

– Мы без боя не сдадимся, пацан!

– А где Гриша?

– Мертв, гады подстрелили на улице!

Представители властей расправились с преградой и оказались в квартире. Иван выстрелил первым, но никого не задел.

– Сдавайтесь! Бежать некуда!

Ответом на предложение законников стал еще один выстрел. Наконец и они открыли огонь. Первая вражеская пуля прошла верхом над их головами, вторая и третья попали в стол, но застряли в деревянной крышке.

– Стреляй! – заорал Иван. – Врёшь, не возьмёшь!

Оба они чуть приподнялись из-за прикрытия. Не целясь, на удачу, без разбора начали стрелять, пока в барабане не кончились патроны. Судя по звуку, умудрились ранить одного из жандармов, но это никак не помогло.

Иван достал из-за поясицы еще один пистолет и выстрелил уже ради предупреждения, чтобы законники знали: у них еще есть чем отстреливаться.

Последовала ответная очередь выстрелов, и она уже достигла цели. Пуля крупного калибра прошла сквозь деревян-

ную поверхность и попала прямо в бок Ивана. Тот рухнул назад и выпустил из руки пистолет. Никита быстро подобрал его, выстрелил, после чего кинул взгляд на Ивана. Тот был уже не жилец: изо рта вырывались хлюпающие звуки, а из раны лилась кровь. Видимо, пуля задела органы.

Никита осознал всю безнадёжность ситуации. Сопротивляться дальше было бесполезно – его просто убьют. Но сдаваться тоже было нельзя. Вдруг он нашёл выход: если выпрыгнуть из окна, то, скорее всего, удастся сбежать. Высота тут небольшая, всего второй этаж, совсем близко подъём на противоположной стороне улицы. Так что, если жандармы не прыгнут за ним следом, вряд ли догонят. Другого выхода не было.

Собрав всю волю в кулак, Никита сделал еще один выстрел и со всех ног рванулся к окну. Слава богу, он открыл его до того, как всё это началось. Вряд ли бы он своим телом умудрился пробить тяжелые деревянные ставни.

Тело плюхнулось в холодные волны. Удар пришёлся на живот, но в целом ничего не пострадало. Тут же гладь воды начали дырявить пули. Ни одна не задела Никиту. Он тут же поплыл в сторону противоположного берега и, только когда уже нащупал камень перед собой, рискнул всплыть. Выстрелов не последовало – видимо, те перезаряжались. Пока у него есть время, считанные мгновения, нужно бежать.

За доли секунды он выбрался к ступеням и, согнувшись,

рванул вверх по ним. Засвистели очередные залпы, но Никита уже был под защитой парапетов. Нужно дождаться следующей паузы, и тогда-то бежать в ближайший двор. Спустя минуту выстрелы вновь затихли. Никита рванул в сторону домов. Он спасся. Пока спасся. Останавливаться нельзя. Нужно бежать как можно дальше, жандармы не должны сесть ему на хвост, иначе уже будет не скрыться.

Никита бежал еще полчаса, пробираясь по закоулкам и дворовым лабиринтам, не переставая двигаться. Внутри яростно билось сердце, дыхание давно сбилось, отчего каждый новый вдох давался все труднее. Ему казалось, его легкие вот-вот лопнут. Наконец он рухнул от усталости. Силы иссякли. Единственное, на что ещё оставались силы, так это наконец обернуться. Всю дорогу он не смотрел назад – страх не позволял. Теперь же даже страх отступил, усталость взяла верх. На счастье Никиты, погони не было – оторвался! Последний прилив радости, и тьма. Голова рухнула на мостовую. Сознание покинуло его. Так он и остался лежать посередине одного из сотен петербургских дворов.

Глава 4

Из тупого забвенья Никиту вырвала жгучая боль. Он открыл глаза. Необыкновенно яркое для Петербурга солнце заливало всё вокруг светом, ослепляя пробудившиеся глаза.

Только сощурившись, он смог немного восстановить зрение. Над ним возвышался силуэт мужчины. Тот пнул его в живот. «Вот она, причина боли», – подумал про себя Никита.

– Вставай, пьянчуга! – послышался незнакомый хриплый голос. – Нечего тебе здесь валяться! Тут порядочный дом, поднимайся и прочь отсюда!

Голова раскалывалась, всё тело окостенело, каждое движение доставляло ужасную боль. Мужчина не переставал кричать. Он пинал всё сильнее и сильнее, пока Никита не закричал. Незнакомец наконец прекратил его избивать.

– Помогите мне встать, – сквозь зубы, преодолевая боль, обратился Никита к мужчине

Тот, заметно опешив от крика и просьбы, впал в короткий ступор, но в итоге помог подняться. Тело тут же отозвалось на изменение положения. Ужасно болезненный импульс пронзил его от ног до головы, раздался характерный хруст костей. Оказавшись в вертикальном положении, кровь начала свою обычную циркуляцию, немного облегчая болезненные ощущения.

– Спасибо, сударь.

Незнакомец решил, что его требования наконец удовлетворены, и он может вернуться к своим делам. Никита же доковылял до выхода со двора.

На городской улице он увидел знакомые очертания Невского проспекта. Как он умудрился добежать досюда, это, наверное, останется для него навсегда загадкой, разгадывать

которую ему, впрочем, не очень-то и хотелось. Главное, он смог избежать ареста. Вряд ли охранка теперь сможет найти его. Но что же теперь делать? Из ячейки выжил только он. Конечно, возможно, ещё жив Дементий, но в этом были сильные сомнения. Скорее всего, их сдал антиквар. Говорил же он им, что мутное это дело, – вот и пожинай теперь плоды: двое товарищей убиты, о судьбе ещё одного ничего не известно.

Тут его вновь обуяло смятение. В памяти всплыли фрагменты кражи, убийства и дальнейших событий. Теперь без Дементия ему никогда не понять, было ли всё произошедшее в церкви правдой или бредом воспалённого сознания. Может, он всё же сошёл с ума и всего этого не было? Нет, всё было слишком реально, такое не могло привидеться. Да и если бы он сошёл с ума, то не действовал бы разумно прошлой ночью, а лежал бы мёртвым рядом со своими товарищами.

Сухость во рту сковала глотку, тело продолжало отзывать болью на каждое движение, а в голове звенело. Мысли о произошедшем терзали не хуже физических проблем. Он ощупал карманы грязного плаща, не надеясь ничего в них обнаружить, но, на удивление, там были деньги – всего несколько медяков, однако их хватило, чтобы утолить жажду и голод.

Никита добрался до ближайшего трактира, где подкрепился самой дешёвой едой. Боль начала униматься. Даже голова перестала болеть. Но как быть дальше – на это ответа

не было. О других ячейках он ничего не знал; в Петербурге у него, помимо Дементия, Гриши и Ивана, никого не было. У него оставалась маленькая комнатка, которую он снимал у пожилой, слегка тронувшейся умом домовладелицы, но, наверняка, законники о ней знают. Идти туда было глупо и бессмысленно – ничего ценного отродясь у Никиты не водилось.

Самым разумным решением, пожалуй, будет покинуть город. Больше его здесь ничего не держит, да и смысла оставаться нет: каждый день жить в страхе быть пойманным охранкой – удовольствие не из приятных. Но чтобы спокойно перемещаться по стране, нужны документы, без них далеко не уйдёшь. Свои же Никита утопил в канале, спасая свою шкуру. Добыть поддельные не представлялось возможным. Для этого необходимы знающие люди и, конечно же, деньги. Ни первого, ни второго у него не было. Полная безнадёга.

А жизнь вокруг продолжалась, она кипела. Все вокруг суенилось, спешило не пойми куда. Один он оставался за бортом, не понимая, как теперь быть. Потеря друзей, убийство бога, итоговая безысходность – всё это навалилось в один момент, и как с этим справляться, было известно одному лишь богу. Точнее, ещё вчера, возможно, было известно ему. Теперь же даже всемогущая, казалось бы, сила остаётся в неведении. «Вот сейчас бы напиться как следует», – подумал Никита, – да денег нет». Он не может позволить себе даже этого.

Меж тем та самая суетная масса людей начала вести себя очень странно. В воздухе чувствовалось напряжение. На лицах читалось удивление. Те, кто мог позволить себе покупку газеты, стремились к первым попавшимся точкам их продажи. Те же, кто не мог позволить себе тратить лишние деньги на «бесполезную макулатуру», просто становились сзади и читали из-за спины. Наконец, даже те, кто вовсе не интересовался чтением и был ему не обучен, стали стекаться к толпам, увлеченным заголовком, и просить их поведать, что же такое приключилось.

Столь сильное расхождение с обыденным ритмом города не могло не привлечь внимание Никиты. Конечно, у него были куда более серьезные проблемы, чем у государства, да и, в сущности, ему всегда было наплевать на них, если те не касались напрямую социалистических идей и всего с ними связанного. Но эта тревожность, это волнение, обуявшее всех вокруг, будто передалось и ему. Он направился к ближайшему очагу информации.

Народ столпился в круг, постепенно обрастая новыми дугами. Стоял шум и гам. Из какофонии сотен голосов можно было выхватить лишь бранную ругань и восторженные крики, по сути не прояснявшие ничего. Некоторые люди, узнавшие новость, покидали круг и направлялись прямоком в трактир; большая же часть сбивалась в группки поменьше, но путь их лежал не в трактир, а прямоком вдоль проспекта.

Как раз в одно из освободившихся мест нырнул Никита.

Здесь отчетливо зазвучали голоса самоназначенных глашатаев, объявляющих главную новость:

– Война! Россия вступает в войну с немцем!

– Объявлена всеобщая мобилизация!

– Пруссаки с австрияками объявили войну сербам!

– Россия не допустит захвата Сербии! – Наперебой раздавались крики.

«Война. Этот дурак втянул нас в еще одну войну. Чертов недомерок. Не хватило ему позорного поражения в Японии. Сколько еще нужно крови, чтобы этот тиран наконец насытился?» – подумал Никита. Его ладони сжались в кулаки, он закипал от ненависти. Костяшки пальцев побелели, к голове прилила кровь, лицо побагровело. Он смотрел на ликующие толпы; до него стали доходить восторженные отклики. Лица довольных людей мелькали перед его взглядом. Они были рады начавшейся войне: «Побьем пруссаков!», «Долой немцев!».

Гнев сменился удивлением. Почему они так рады? Неужели им хочется нового кровопролития? Не успели затянуться раны прошлого, как вновь велят брать в руки оружие и идти за новыми, более страшными ранами, а все вокруг довольны, даже требуют побыстрее выдать им орудие убийства. Этот мир сошел с ума.

Еще вчера никто не хотел кровопролития. Жили спокойной жизнью, строили свои планы. Но стоило солнцу зайти и вновь взойти над горизонтом, как все изменилось. Вчераш-

ние заботы позабылись, на их место пришла ненависть, жажда чужой крови. Простые босяки, рабочие заводов, в жизни не державшие ружья, в один миг превратились в жадных до крови солдат еще не мобилизованной армии.

Недалеко от места, где стихийно собралась толпа, располагалась маленькая мясная лавка. Никита знал об этом: она славилась на весь район своим качественным и дешевым мясом. Ее держал немец, очень хороший человек. Многие обращались к нему за помощью, и, если помочь было в его силах, он помогал. Но толпа быстро забыла обо всем, кроме того, что хозяин – немец.

Двадцать мужиков отделились от толпы и, ведомые звериной ненавистью, по наводке какого-то проходимца направились в сторону лавки. Они хватали все, что попадалось под руку: камни, палки – все шло в ход. Мужики быстро окружили лицевую сторону лавки и, как по сигналу, начали закидывать ее тем, что успели подобрать. К ним начали подтягиваться остальные. Под одобряющий визг толпы они продолжали уничтожать витрину, а когда от нее ничего не осталось, то всей массой ворвались внутрь. Они громили и крушили все: прилавки были разбиты, хорошее мясо валялось под ногами. Хозяин-немец спрятался в каморке, и когда внутри не осталось ничего целого, они ринулись к двери. Они требовали, чтобы немец вышел, они хотели достать его – и они своего добились. Хилая деревянная дверь не способна была остановить такую силу. Мужики вытащили немца на улицу

и под одобряющие взгляды десятков горожан забили его ногами до смерти. Тело так и осталось лежать на земле.

Никита наблюдал за всем этим, не в силах ничего сделать. Он стоял и смотрел, страшась той страшной силы, что начала свое шествие по всей стране. Этим людям нужна была война и они ее получили.

Находиться здесь было невозможно. Никита убежал как можно дальше отсюда и остановился лишь в малолюдном закоулке. Его вырвало. Перед глазами стояло тело убитого немца, в ушах звенело веселое улюлюканье толпы. «Если бы Бог существовал, то как он мог допустить такое?» – невольно всплыло в разуме у Никиты. Раньше такие вопросы его не посещали в виду твердых атеистических взглядов, но теперь всё изменилось. Бог существовал, значит, и человечество – его рук дело. Значит, Бог повинен в этом. Или Никита?

А что, если война началась из-за него? Что, если он убил Бога, и это сказалось на людях? Война буквально началась на следующий день. Вчера еще обыкновенные люди сегодня переполнились звериной яростью. Может, пока Бог был жив, всё шло своим чередом, а теперь начался хаос.

Мысль пустила корни в разум, опутывая его, поглощая. Чувство вины рухнуло на плечи. Он действительно мог стать катализатором страшных процессов. Спичкой, разжегшей пожар.

Вдруг его окрикнул чей-то голос.

– Никита.

– Кто ты, черт побери, такой? – испуганным голосом отозвался Никита.

– Не бойся меня, я тебе не враг.

– Откуда ты меня знаешь и чего от меня хочешь?

Мужчина был одет в белую накидку, лицо его украшала пышная белая борода. Возраст можно было определить навскидку – от тридцати до пятидесяти.

– Я всегда знал тебя. Позволь поговорить с тобой.

– И о чем ты хочешь поговорить?

– Ты сам знаешь – о случившемся вчера.

«Он знает!» – промелькнуло в голове. – «Он знает о Боге!»

– Ты служитель закона! Выследили меня!

– Ложь никого не красит. Я не служу никакому закону, кроме божьего. К тебе меня привела не ненависть, а сострадание.

– Ты знаешь, что случилось в церкви?

– Знаю. Так же я знаю, что ты напуган, ты боишься случившегося. Тебе нужна помощь, и я хочу помочь, дать ответы на вопросы, терзающие тебя.

– Ты ангел?

– Да.

– Один ангел уже дал мне ответы.

– Не злись на него. Он опечален смертью Отца. Немногие небожители понимали его любовь к вам, людям. Теперь они потеряли свой главный свет. Они разбиты. Отныне будущее

для них туманно.

– А ты? Ты любишь людей?

– Я спустился в ваш мир вместе с Отцом. Он показал красоту всего окружающего, он научил тех немногих, последовавших за ним, любви. Безусловно, люди заслуживают любви, как и вся жизнь, созданная им, заслуживает того, чтобы ею восхищались, лелеяли и любили.

– Допустим, я верю в твои благие намерения, ангел. Но даже если я найду ответы на вопросы, которые терзают меня, что от этого изменится?

– Ты недооцениваешь силу своего духа. Найдя гармонию, ты сможешь обрести надежду, ты сможешь найти покой.

– Но Бога это не воскресит, так ведь?

– Увы, нет. Его свет угас навечно, но свет солнца, свет сотен тысяч душ еще не померк. Жизнь продолжается.

– Да, это точно. Она продолжается. Ненависть, войны – они по-прежнему с нами и диктуют свою волю. Бог мертв, а его проклятая сущность внутри нас ликует от полученной свободы.

– Пожалуй, ты еще не готов. Я пришел слишком рано.

– Не готов к чему? К ответам? Я не нуждаюсь в них!

– Нуждаешься, и ты их получишь. Но, пожалуй, я слишком поторопился. Горе застилает разум, но со временем и это пройдет. Отправляйся в свой путь, и очень скоро мы вновь встретимся. Тогда ты познаешь истину.

– Какой путь? О чем ты? Почему сейчас рано? – сорвался

на крик Никита.

Но ангел уже исчез. Возгласы пронзили тишину пустой подворотни и растворились, разбившись о камень. Он вновь остался один, брошенный на произвол судьбы, без желанных, но, в сущности, бесполезных ответов.

Как же хотелось повернуть время вспять, вернуться назад и всё переиграть. Он мог бы отговорить товарищей от ограбления, сохранить жизнь Богу и им. Войны могло бы не быть, могло бы не быть той ненависти, что пламенем вспыхнула в сердцах людей, не выстрели он в церкви. Всё могло быть иначе, но всё произошло, всё это случилось. И теперь, не в силах ничего исправить, он должен наблюдать последствия, должен за них расплачиваться. Такова цена поспешности.

Морально истощённый, физически ослабший и, пожалуй, самое ужасное – одинокий, Никита не представлял, как быть дальше. У него не было ничего, кроме внутренних терзаний. Деньги кончились, ищет ли его охранка или нет – он не знал.

Погружённый в тяжёлые размышления, он покинул тихий закоулок и вновь окунулся в уличную суету, в эту до безумия накалённую гущу. Все вокруг говорили только о войне. Бригады храбрых мужиков разъярённо прочёсывали улицы в поисках немцев, австрийцев и, как водится, евреев. Чем им не угодили последние – тайна для любого неангажированного зеваки. Жандармы наконец пришли в себя и начали хоть как-то пытаться навести порядок, но попытки были робкие, да и не особо настойчивые. Разгонять разъярённые массы,

готовые в любой момент дать отпор или разбежаться, а потом стихийно собраться в любой части города, — это как минимум очень сложная затея, если не сказать, что опасная и безнадёжная.

Таковым был весь Петербург, а позже и вся Россия летом 1914 года.

Никита просто брёл среди всех этих людей. Ненависть вытесняла жалость. Он видел, с какой бравой мужественностью мужчины и мальчишки в приливе патриотической гордости готовы идти на войну, откуда скорее всего не вернутся. Но и это скоро прошло. Усталость вновь набросила свои путы. Силы покидали его, но как быть, он так и не решил.

День плавно уступал своё место ночи. Жизнь не утихала, всё продолжало кипеть. Из трактиров слышались радостные крики, погромы продолжались. Никиту уже валило с ног. Зайдя в первый попавшийся двор, он как можно незаметнее дошёл до сарая и плюхнулся в стог сена, где забылся крепким, тупым сном.

Глава 5

Утро не встретило его ничем хорошим. Хозяин сарая обнаружил нежданного гостя и чуть ли не пинками выгнал Никиту вон. Выспаться, естественно, не получилось, хотя за ночь он не проснулся ни разу. Живот сводило от голода, ноги еле двигались.

После вчерашнего дня город немного пришёл в норму. Вчерашнее сумасшествие сошло на нет, лишь изредка попадались отголоски прошедшего дня – те, кто ещё не успел протрезветь.

Бесцельно бродя по улицам, Никита увидел первые очереди добровольцев, готовых отправиться на войну. Очередь была немаленькой. В силу небывалого подъёма патриотизма недостатка в солдатах армия точно не испытывала. Здесь были все слои общества, но самым удивительным для Никиты было обилие рабочих. Те, на кого они надеялись при начале революции, шли добровольцами в царскую армию.

И тут, подобно коварному удару в спину, настигло его новое разочарование – самое горькое из всех. До сего часа в душе его теплилась непоколебимая, почти фанатичная уверенность: вот-вот, и многострадальный пролетариат, изнывающий под пятою самодержавия, сбросит наконец ненавистное ярмо. Он свято верил, что люди изнывают по переменам и лишь ждут первого сигнала – и он был убеждён, что этот сигнал они подадут сами.

Но действительность явила себя злой насмешкой. Вместо того чтобы поднять знамя революции, этот самый народ, о чьём благе он бредил, с диким воодушевлением ломанулся на немцев, славя имя царя. В один миг всё, чему он посвятил три последних года жизни – все тайные сходки, рискованные акции, пламенные споры, – предстало не просто напрасным, но и до жути наивным, ребяческим заблуждением.

Словно пелена спала с глаз, обнажая неприглядную правду. И он с отвращением узрел её: все их действия с товарищами были не во имя этого самого народа, а ради торжества собственных, таких же догматичных и эгоистичных идей. Они, горделиво мнившие себя спасителями, сами, не спросясь, решили, что будет лучше для тех, кого они на деле не знали и не понимали. Горький вопрос обжёг сознание: так чем же они, в своей слепоте, лучше того, против кого боролись? Ответ пришёл мгновенно и беспощадно: ничем.

Голод вновь напомнил о себе. Никита принюхался и уловил смрадный запах. Неожиданно он обнаружил, что смердит он сам. Резко повернувшись к витрине, он увидел в отражении грязного, заросшего мужика. С отвращением отвернувшись от витрины, он опять посмотрел на очередь.

Все идеалы прошлой жизни рухнули. Всё, во что он верил, оказалось иллюзией и слепым эгоизмом. У него ничего не осталось – ни в физическом, ни в моральном плане. И что же остаётся в сухом остатке? Пустота. Терять нечего.

Он сделал шаг. Ещё один. Ноги сами несли его, будто по наклонной плоскости, к тому месту, что ещё сутки назад вызывало в нём лишь жгучую ненависть. К очереди добровольцев. К этим людям, чьё слепое рвение он презирал всем пылавшим когда-то сердцем. К этим знамёнам, под сенью которых готовилось новое безумие.

И внутри была не просто тишина – была мёртвая, выжженная пустота. Ни всплеска совести, ни протеста сердца,

ни последнего вопля души. Они не воспротивились – они капитулировали. Словно раненый зверь, слишком измождённый для борьбы, его внутренний мир покорно склонил голову перед непреклонной гнетущей действительностью.

Логика была проста и беспощадна, как удар обухом: если все идеалы обратились в прах, а путь к новой жизни наглухо завален звенящей пустотой, то что остаётся? Остаётся лишь выбрать способ своего конца. И смерть от пули – пусть чужая казалась ему теперь куда достойнее, чем медленное, унижительное угасание в грязи и нищете, где последним спутником станут вши. Эта мысль – тяжёлая, металлическая, лишённая всяких оттенков – заполнила собою всё. Вытеснила боль, страх, сомнения. Стала единственной неоспоримой истиной.

Он влился в хвост живой, нестройной цепи. Несколько парней впереди, уловив запах немытого тела и отчаяния, инстинктивно, почти незаметно, отпрянули, создав вокруг него небольшой вакуум. Он прошёл сквозь этот молчаливый кордон брезгливости и встал, уставившись в спину вперёдистоящему. Очередь двигалась вяло, продираясь сквозь густеющий вечер. Когда же его черёд настал, солнце, как огромный раскалённый шар, уже почти коснулось края крыш, окрашивая город в багровые, похоронные тона.

- Грамоте обучен? – спросил сидевший напротив офицер.
- Да.
- Напиши своё имя и фамилию. Документы есть?

– Потерял.

– Оно и видно. Но чёрт с тобой. Написал? Хорошо. Сейчас иди вверх по улице, там будут казармы – не пропустишь. Там тебя оформят по правилам. Оттуда – только на войну, уяснил? Следующий!

Никита вышел из очереди и направился, как велел офицер, вверх по улице. Мимо него шли радостные парни, уже жаждущие боевого крещения, мужчины, что повидали жизнь, и даже старики. И всем им была уготована одна дорога.

Казармы встретили их безлюдным коридором и резкими окриками старослужащих, которые, не глядя в лица, механически расталкивали толпу, сортируя людей с безжалостностью мясников. «Крепкие – направо, в зал! Дряхлые да хворые – к стене, ждать!» Никиту, к его собственному удивлению, грубо толкнули в сторону «крепких», проигнорировав его запах и измождённый вид – армии требовалось пушечное мясо, а не личности.

Само «оформление» было похоже на конвейер: несколько казённых вопросов, росчерк пера в гроссбухе, и в руку вкладывали листок – жалкая пародия на документы, билет в один конец. Город, прежняя жизнь оставались где-то за этими стенами, теперь недоступные, как воспоминание. Дальше – баня. Горячая вода смывала с тела грязь трёх дней скитаний, но не могла смыть ощущения скверны. Вымытым и анонимным, в грубом, пахнущем кожей обмундировании, он

был как все – ещё один винтик в готовящемся к отправке механизме.

Спальный зал оказался огромным, пропитанным потом и табачным дымом помещением, где человеческое море распласталось прямо на голых досках пола. Ни кроватей, ни намёка на уют – лишь стихийно занятые клочки пространства. Он отыскал себе место у стены, в относительной изоляции, где теснились всего трое таких же, как он, потерянных душ.

Ирония судьбы была горькой и абсолютной: ненавистная ему система, против которой он боролся, теперь давала ему кров, пищу и призрачное чувство безопасности. Впервые за долгие дни он был сыт, чист и, что главное, не гоним. Но именно эта обрётённая безопасность обнажила внутреннюю пустоту. Физическое истощение отступило, сменившись ясным, леденящим сознанием. Сон бежал от него. Тело, два дня падавшее без чувств от усталости, теперь, отдохнувшее, отказывалось забываться.

В гуле приглушённых голосов, пробивавшемся сквозь темноту, не было и следа дневного угара. Испарился показной патриотизм, испарилась бравада. Остался лишь гулкий, животный страх перед неизвестностью. Из обрывков фраз доносилось одно: «...говорят, пулемёты...», «...австрийцы...», «...как бы не...». Ночью, лицом к лицу с собой, каждый понимал простую страшную правду: они уже не горожане, не рабочие, не крестьяне. Они – солдаты. И их ждёт война.

Но Никиту эта мысль не пугала. Он пересёк некую внутреннюю черту, где страх и сомнения потеряли власть. Его выбор был сделан, точка поставлена. Мучительные вопросы, терзавшие его, наконец отступили, оставив после себя не радость, а странный, мёртвенный покой. Бессонница была единственным, что нарушало эту пустоту. Он лежал, глядя в потолок, пока за окном ночь не достигла своей глубины. И только тогда, когда силы окончательно оставили его тело, а разум сдался, его накрыл тяжёлый, беспробудный сон, похожий на забытие.

Часть 2

Глава 1

Утро ворвалось в казарму не светом, а чужим, раздирающим гортань криком. Голос, лишённый всяких оттенков, вырвал их из забытья, и тёмный зал зашевелился, как потревоженный муравейник. Сначала – с немой, утробной неохотой, будто каждое движение давалось ценой невероятных усилий. Но следующий окрик, острый и унижительный, вогнал в спины электрический разряд страха. Люди засуетились, превращаясь в послушную массу.

Невидимый командир где-то в начале зала металлическим голосом вещал о распорядке. Его слова падали, как капли на раскалённый металл: «Подъём! Одеваться! На по-

строение, а затем – к «бумажным червям»!». Фраза «бумажные черви» прозвучала с такой ядовитой усмешкой, что стало ясно – это не просто чиновник, а нечто презренное, но необходимое. Именно там, в канцелярских недрах, их жизни будут разложены по полочкам, прикреплены к номерам частей и армий, как груз к накладным. Оставалось дожидаться, когда кончится эта бумажная волокита, и их отправят «по адресам» – туда, где уже ждали свои «адресаты» с винтовками.

Завтрак был похож на медленную пытку. Люди жевали вязкую кашу с той же скоростью, с какой тонули в своих мыслях. Это раздражало офицеров, которые метались между столами, как ротвейлеры. Их поторапливающие шлепки и тычки были не просто жестокостью – это был ритуал унижения, напоминание о новом статусе. «Шевелитесь, отребье! – рычали они. – Вам выпала честь послужить Царю и Отечеству!». Никто не спорил. Никита, глотая безвкусную похлёбку, мысленно добавил: «А Богу, господа хорошие, мы служить уже не будем. Он, кажется, вышел из игры».

После завтрака офицеры принялись за работу, как пастухи за своё стадо. Толпу разбили на небольшие группки и, подгоняя бранью, повели по длинным коридорам. В кабинетах, пахнущих пылью и чернилами, их ждали «бумажные черви» – трое чиновников в добротных мундирах, с безразличными лицами отшлифованных годами рутины. «Чиновничье племя», – беззвучно отметил Никита. Эти люди реша-

ли судьбы, не глядя в глаза. Их будущее было для них просто сводкой данных. Без особых раздумий, они штамповали назначения, раскидывая людей по частям, как мешки с картошкой.

Процесс занял около часа. Офицеры, наблюдавшие за этим с циничным любопытством, выдёргивали из толпы получивших свои квитки и сгоняли их к выходу. На улице, слепящей после полумрака казарм, новобранцев выстроили в шеренгу. К ним подкатывали грузовики – редкие по тем временам машины, вид которых вызывал у Никиты удивление. Офицеры, выкрикивая фамилии, возвращали солдатам их документы – теперь уже с новыми, казёнными штампами – и загружали в кузова по три-четыре человека.

Никита оказался в последней партии. Грузовик, подпрыгивая на колдобинах, вывез их за город, к огромному полевому лагерю, раскинувшемуся под низким небом. Здесь их ждал новый офицер – подтянутый, с жёстким взглядом. Он бегло проверил документы, отдал команду водителю, и, когда машина уехала, обернулся к ним.

– Поздравляю, господа! – его голос прозвучал неестественно громко в тишине поля. – Отныне вы – солдаты Российской Императорской армии! Я – капитан Фёдор Андреевич Стелеков. Ваш командир. С этой минуты ваша воля – это моя воля. Две недели вы будете учиться не жить, а выживать. А после – на фронт. Бить подлого немца. Сейчас – час на устройство. Потом – плац. Обучение начинается сегодня.

Мой помощник покажет вам, где вы будете ночевать. Всё!

Капитан Стелеков резко развернулся и ушёл вглубь лагеря. Его место занял молодой человек с напряжённым лицом.

– Младший лейтенант Смирнов. – представился он. – За мной.

Младший лейтенант Смирнов, с подчеркнутой, почти карикатурной выправкой, резко развернулся на каблуках и чётким шагом направился вглубь лагеря. Группа новобранцев послушно поплелась за ним, как стадо.

Лагерь раскинулся перед ними подобием призрачного города. Центральная улица, пыльная и прямая, пронизывала его насквозь, выполняя роль главного проспекта. По обеим сторонам, в строгом геометрическом порядке, стояли палатки – от маленьких, одиночных, до крупных, похожих на бараки. Сеть протоптанных тропинок создавала иллюзию кварталов, и с высоты это скопление холста и подпорок, должно быть, напоминало уездный городишко, выросший за одну ночь.

Пройдя с полсотни шагов, Смирнов вновь замер, с той же театральной резкостью повернулся и свернул в один из «жилых кварталов». Здесь, в стороне от главной магистрали, стояла огромная палатка, способная вместить полсотни человек.

– Вот ваш новый дом. Располагайтесь, – бросил он безразличным тоном. – На этом я откланиваюсь.

Едва офицер скрылся за углом, как солдаты ринулись обу-
страиваться. К всеобщему удивлению, внутри обнаружились
складные железные койки, выстроенные вдоль стен. Минут
за десять каждая из них обрела своего временного хозяина
– на две недели, которые вдруг показались вечностью.

Никита, у которого за душой не было ничего, кроме казён-
ной формы, занял ближайшую свободную койку, передел-
ся и вышел наружу. Ему претила мысль о бессмысленных
разговорах, о необходимости хоть как-то коммуницировать
с этими людьми. Глубокое разочарование во всём и вся по-
грузило его в состояние почти полного отчуждения. Окружа-
ющие, чувствуя его замкнутость, отвечали взаимным невме-
шательством.

Солнце палило немилосердно. Воздух дрожал от гула со-
тен голосов, перемешанных с резкими командами офицеров.
Армейская жизнь была здесь таким же лихорадочным клю-
чом, как и жизнь в столице, – та же суета, только подчинён-
ная иному ритму. Но Никите было всё равно. Он бесцель-
но бродил вдоль бесконечных рядов серо-бежевых палаток,
просто убивая время до неминуемого построения.

Внутри у него была мёртвая тишина. Он шёл, дышал, дви-
гался – но ощущал себя уже умершим, чья плоть по какой-то
нелепой ошибке ещё не получила извещения о прекращении
своих функций. Возможно, это и есть то самое смирение,
которое нисходит на человека в последние мгновения, когда
он с холодной ясностью понимает: следующий вдох может

стать для него итоговым.

И вдруг – ветер. Едва уловимый порыв, ласково коснувшийся его вспотевшей кожи. Тело отозвалось короткой, блаженной дрожью, и эта простая, ни к чему не обязывающая ласка природы едва не вызвала на его лице подобие улыбки. Но мышцы лица, привыкшие к маске отрешённости, судорожно дёрнулись и вновь застыли, вытянув губы в тонкую, безжизненную линию. *«Как бы ты себя ни ломал, жизнь всё равно пробивается сквозь щели»*, – с горькой иронией подумал Никита.

Ровно через час взвод, выстроенный на подобии плаца, стоял под палящим солнцем. Капитан Стелеков, не утруждая себя пространными речами, кратко скомандовал: «К ящикам! Винтовки – и на стрельбище!»

Все отдавали себе отчёт в тщетности этой затеи. Превратить сборище вчерашних гражданских в солдат за две недели – утопия. И капитан, судя по всему, понимал это лучше других. Его задача была простой и циничной: вбить в руки ощущение винтовки, в память – механику выстрела. Не научить воевать – но дать им первичный навык. Дальше – хоть трава не расти. На фронте разберутся. Или не разберутся.

Занявшие свои позиции солдаты по команде открыли огонь. Итогом первого залпа стали четыре поражённые мишени; остальные выстрелы ушли в молоко. Статистика удручала. Тут же была придумана и утверждена система «стимулов»: каждый промахнувшийся солдат должен был за свой

промах обежать лагерь, после чего вернуться и совершить ещё один выстрел. Если опять мимо – повторить «упражнение». Церемониться с «жалкими холопьями» чиновникам в сединах ой как не хотелось. Собственно, поэтому солдаты были обречены на бессмысленную рутину физических нагрузок, вряд ли способных дать вменяемый результат.

К закату каждый из взвода совершил этот крестный ход минимум пятнадцать раз. Ноги подкашивались, в глазах стоял туман из пота и унижения. Единственным утешением служили казённые фразы лейтенанта Смирнова о «закалке духа», которые он бросал, самодовольно прохаживаясь вдоль строя.

Когда наконец прозвучала команда «Отбой!», многие просто рухнули на землю, не в силах держаться на ногах. Но отдых длился мгновения – их поднимали грубыми пинками сапог. Офицеры, чьё дворянское происхождение ограждало их от подобной усталости, смотрели на солдат с брезгливым презрением.

– Слабачье! – рычал Стелеков, его лицо было похоже на налитый кровью мясной мускул. – Никуда не годные твари! На фронте вы сдохните в первую же атаку – за словом в карман не полезу! Но хоть один толк от вас будет: прикроете пулемётным огнём тех, кто умеет воевать! Завтра – снова здесь! А теперь – с глаз моих долой!

– Не слышите, сволочи? Марш в казармы! – залихватски крикнул Смирнов, опьянённый властью до такой степе-

ни, что назвал брезентовые палатки казармами. Но, встретив ледяной взгляд Стелекова, тут же съёжился, будто получил удар хлыстом.

Обратный путь сопровождался звуковой картиной, которая согревала измученные души: из-за угла доносились сдавленные крики и отборный мат – Стелеков «воспитывал» своего подчинённого.

В палатке уставшие солдаты повалились на койки, но злоба в них ещё кипела, и держать эмоции в себе было невозможно.

– С такими учителями нам и на тот свет недолго, – хрипло произнёс самый молодой.

– Прямиком в яму, – мрачно поддержал другой.

– А чего вы хотели-то, а? На войну обученные есть, а мы так, для количества, – подал голос самый старший, сорокалетний бородатый мужик с проседью. – Уж я-то знаю. У меня брат в русско-японскую воевал, профессиональный вояка. Таких, как мы, они пушечным мясом называли, годных лишь для первых трупов.

– Хватит пораженческие песни петь! Родину защищать пришли! – нашёлся патриот.

– Кто пришёл, а кого забрили, – мрачно заметил детина с дальней койки. – Меня из-за сохи взяли.

– Значит, трус! – парировал патриот.

Монолог прервал Никита, которого эта болтовня вывела из оцепенения.

– Кончайте базар! Завтра снова этот ад, а вы языками мелеете! Спать!

В палатке воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием.

– Надо же, немой заговорил, – ухмыльнулся детина.

– А мы уж думали, ты без голоса.

– И чего молчал?

– А чего трещать-то понапрасну? Спите, – злобно ответил Никита.

– А и прав, немой, чего воздух-то зря сотрясать. Давай-те, братцы, спать! – авторитетно заключил крепкий мужчина лет двадцати пяти, чьё слово уже имело вес. – Рот на замок и отдыхать.

Никто не воспротивился. За несколько минут в палатке воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием измотанных мужчин.

Последующие две недели превратились в однообразный кошмар, выстроенный по законам абсурда. Солдат методично выматывали бессмысленной муштрой, словно готовили не к окопам и штыковым атакам, а к возвращению в родные деревни. Командованию была глубоко безразлична их боевая готовность – важен был лишь сам факт, что ещё несколько десятков тел можно будет бросить в топку войны.

Никита существовал в состоянии глубокого отчуждения, стараясь максимально дистанцироваться от окружающей действительности. Единственным проблеском стал неожи-

данный контакт с Кириллом – тем самым солдатом, чей природный авторитет признавали все. В редкие минуты вынужденного общения они касались социалистических идей, и Никита с удивлением обнаружил в собеседнике родственные взгляды. Однако высказывался он крайне осторожно, постоянно опасаясь доноса – слишком уж хрупким было его положение в этом коллективе.

Кирилл же, напротив, говорил смело и открыто, бросая вызов то равнодушным, то непонимающим взглядам сослуживцев.

Ирония заключалась в том, что их мировоззрения оказались поразительно схожи. Никита даже удивился, почему этого человека не было в их подпольном кружке. Но эти разговоры были для него не более чем способом убить время – прежние идеалы он давно похоронил в себе.

С остальными обитателями палатки Никита сохранял ледяную дистанцию, что однажды привело к взрыву. На четвертый день к нему привязался рослый детина по имени Макар, засыпая его глупыми и бестактными вопросами. Сорвавшись, Никита ударил его – и мгновенно пожалел: кость едва не треснула от удара о железную челюсть обидчика. Разъярённый Макар был готов растерзать его, и только общими усилиями солдатам удалось предотвратить кровавую развязку. По законам солдатской «справедливости» Макар получил право на ответный удар.

Его кулак обрушился на Никиту с такой силой, что созна-

ние померкло. Когда он очнулся, то обнаружил, что инцидент исчерпан – отныне к нему относились с холодной отстранённостью, обращаясь лишь по необходимости.

В день отправки на фронт капитан Стелеков построил взвод на плацу для прощальной речи.

– Завтра, солдаты, вы отправитесь защищать Отечество! – выкрикнул он заученные фразы. – К сожалению, моя служба требует присутствия здесь. С вами будет другой офицер. Желаю удачи!

Стелеков быстро ретировался, оставив за собой гробовую тишину. Лейтенант Смирнов, дождавшись, когда начальник скроется из виду, сделал шаг вперёд – теперь он был старшим по званию среди оставшихся.

Последнее слово капитана Стеалекова повисло в воздухе, не встретив обратного отклика. Он развернулся с казённой чёткостью и зашагал прочь, оставив после себя не просто тишину – вакуум, в котором двадцать человек остались наедине со своим завтрашним днём. Лейтенант Смирнов, выждав паузу, пока фигура начальника не растворилась в лагерной дали, сделал шаг вперёд. Теперь он был старшим – и это мимолётное превосходство наполнило его ядовитой значимостью.

– Сильно повезёт, – его голос прозвучал хлётко и громко, – если кости хоть одного из вас предадут земле на родине. Худшего пушечного мяса я в жизни не видывал, будь я проклят. Как изволил сказать капитан, завтра вас передадут

капитану Норыжкину. Он вас отыщет. На этом – свободны.

Строй, сразу же дрогнул и начал распадаться, едва Смирнов скрылся за углом. Но облегчения не наступило. Воздух стал густым и тяжёлым, как свинец. Завтра. Это слово висело над каждым, лишая последних намёков на оптимизм. Даже те, кто ещё утром кричал о «благородной жертве», теперь молчали. Двадцать человек побрели обратно в палатку, и привычное пространство, ещё вчера полное ссор и смеха, превратилось в предбанник смерти. Кто-то шептал молитвы, обращаясь к небесам, которые уже не отвечали. Кто-то курил, вглядываясь в пустоту так пристально, будто пытался разглядеть в ней своё будущее. Никаких шуток. Никакого братства. Только тихий ужас.

Никита читал это на их лицах, как открытую книгу. Пока война – это абстракция, она похожа на былинного змея: страшного, но такого далёкого, которого обязательно победит невидимый богатырь, и всё вернётся на круги своя. В пивной душной дымкой, под крики «за царя!», легко быть героем. Но здесь, на пороге реальной бойни, когда до первого выстрела остаются не дни, а часы, романтика испаряется, оставляя голый, животный страх. Он понимал это лучше других – ему уже приходилось делать тот самый, чёртов выбор: убить или быть убитым.

Но самая страшная мысль, точившая его изнутри, была иной. Он знал, что причина этого всеобщего кошмара – он.

Одно его решение, один палец на курке в той церкви обрекли этих людей на эту участь. Неважно, были ли они подлецами или праведниками – они могли бы сейчас жить. Ругаться, пить, целовать женщин, растить детей. Вместо этого они завтра пойдут убивать таких же, как они сами, с молитвой на устах и с тайной надеждой в сердце – надеждой на то, что кто-то свыше спасёт их родину, их семьи, их души.

А Никита знал. Он был единственным человеком на свете, кто понимал: душам их не на кого надеяться. Тот, к кому они зывали, был мёртв. И виновник стоял здесь же, среди них.

Тишина в палатке была не пустой, а густой, тягучей, как смола. В ней тонули последние проблески смирения, что он так отчаянно пытался в себе взрастить. И тогда боль, до того притихшая, будто придавленная, снова поднялась из самых глубин. Она не просто возвращалась – она разгоралась по телу багровыми кругами, терзая изнутри острыми щепками воспоминаний. Глотку саднило от немого крика, а на языке, тяжелом, как свинец, вертелось признание. Выложить всё. Этот страшный груз, эту тайну, что гложет его хуже любой раны. Один лишь вопль – и камень преткновения будет явлен.

Но он сдержался. Стиснул зубы до хруста, впился ногтями в ладони. Нет. Они ничего не узнают. И, скорее всего, тихо, как овцы, погибнут рядом с тем, кто отобрал у них не просто жизнь, а право на жизнь после смерти. С ним. Ирония судьбы была подобна штыку в ребро.

Внезапно тишину разрезал резкий шорох полога. В сгустившуюся мглу палатки всплыла высокая, подчеркнуто прямая фигура в офицерском мундире. Мужчина был крупный, плечистый, но не грузный, а скорее высеченный из гранита. Лицо – гладко выбритое, с мягкими, почти не военными чертами, которые странным образом не вызывали пренебрежения, а напротив, рождали невольное доверие. Но главное – глаза. Большие, уставшие, они видели слишком много для своих, на вид, двадцати пяти лет. В их глубине таился возраст куда более зрелый, почти стариковский.

– Здравия желаю, солдаты. Я ваш новый командир.

Голос был ровный, без привычной начальственной металлической нотки.

– Здравия желаем, товарищ капитан! – выдохнули хором солдаты, срываясь с коек.

– Меня зовут Владимир Михайлович Норыжкин. По всем вопросам – ко мне. Завтра ровно в шесть утра – сбор на плацу с вещами.

– Так точно, капитан! – громче и быстрее всех отозвался Кирилл.

Капитан скользнул по нему взглядом. – Должно быть, ты старший?

– Так точно!

– Хорошо. До завтра.

С его уходом палатка будто выдохнула, и тут же воздух взорвался.

– Наконец-то! Вот это я понимаю – офицер! – Евгений, всегда рвавшийся в бой, выпалил первым, его глаза горели. – Настоящего солдата за версту видно!

– Товарищ Евгений, не спешите с выводами, – раздался из угла скептический голос.

– А чего с ними не спешить-то? Этот – точно не крыса канцелярская, ей-богу! По глазам видно – своих в беде не бросит!

– Да какая к чёрту разница? – мрачно, сквозь дым самокрутки, процедил Иван. – Хоть за орлом, хоть за вороньем – всё равно же на убой. Вся разница – кто поведет.

– Ничего ты не понимаешь, трус! – вспыхнул Евгений. – С закалённым командиром дышится иначе! Вот ты, Иван, не дай бог, если меня ранят, наверняка бросишь, а этот – нет!

– Ты сам ради своей шкуры нас всех за гроши продашь! – не выдержал Макар, вскипая и опережая ответ Ивана.

– Враньё!

Спор накалялся, грозя перейти в нечто большее, но тут с верхних нар раздался спокойный, обволакивающий голос Кузьмы, самого старшего.

– Без костей языки у вас, честное слово, – произнес он, приподнимаясь. В его словах не было злобы, лишь усталая, вековая умудренность. – Лишь бы потрепаться. Силы беречь надо. Завтрашний день себе не враг.

И снова в палатке воцарилась тишина, но теперь – тревожная, полная невысказанных обид и страха перед тем, что

принесет завтрашний рассвет.

– А ты отец, не слушай прокаженных. Чего с них юродивых взять! – сквозь хохот, сказал Кирилл.

– Тьфу те на язык, сам прокажённый! – вырвалось у Макара сдавленным, сиплым шепотом. Слова Кирилла впились в него, как заноза, и он, точно мальчишка, задетая гордость которого обжигает больнее любой раны, отполз в свой угол, бормоча проклятья.

В натянутой, как струна, тишине голос Даниила прозвучал примиряюще, словно попытка остудить разгоряченные головы.

– Да ладно вам, товарищи, без обид! – Он, чей старший брат остался на сопках Маньчжурии, имел право на особое понимание войны. – Прав Евгений, конечно. С офицером литым сподручнее... – Он сделал паузу, давая словам осесть. – Да только война-то она что? Она – закон. А смертушка – её вечный пристав. Ходит за нами по пятам, дышит в затылок. Приглядывает. От неё не убежишь. И уж коли она тебя выбрала – ни Бог, ни самый лихой командир не заслонят.

Эти слова, оброненные с тихой, фатальной уверенностью, повисли в спёртом воздухе палатки.

– Это верно... От судьбы не уйти, – прошелестел хор голосов. Не согласие, а скорее покорное признание неотвратимости, отклик, идущий из самой глубины, из-под земли.

И тогда, разрешая этот спор, который уже был не спором,

а предсмертным стоном, раздался усталый, обволакивающий голос Кузьмы.

– Ладно, братцы. Будет болтать-то. Спать пора. – Его авторитет был непоколебим, как у старожила. – Утро вечера мудренее. Макар, свет гаси!

Щелчок выключателя отсек последний луч. Палатка погрузилась в крошечную, абсолютную тьму, а следом накатила тишина – благоговейная, густая, почти церковная. В этой новой бытности, лишенной света и звуков, каждый остался наедине с собой. Они медленно, нехотя отпускали якоря реальности, чтобы утонуть в тревожном, небыстром сне, где тени прошлого и страх будущего сплетались в один нескончаемый кошмар.

Глава 2

Еще до рассвета лагерь жил не своим, а каким-то чужим, лихорадочным сердцебиением. Утро родилось не привычной трубой горниста, а нарастающим, низким гулом – будто гигантский растревоженный улей содрогался от внутренней бури. Настал тот самый, вымученный ожиданием день отправки на фронт. Более трех тысяч солдат должны были выступить на подмогу измотанным первым эшелонам. Но в самой гуще сборов, плотной и суетливой, уже змеилась иная весть – тревожная и пьянящая, омрачающая и озаряющая одновременно.

Едва стрелки пересекли четвертый час, как батальон уже стоял на ногах. В предрассветной сизой мути кипела последняя, торопливая подготовка. И в эту мглу, распахнув полог, ворвался запыхавшийся Женя. Лицо его, бледное от недосыпа, сияло неистовым восторгом.

– Первые новости с фронта, мужики! Наши немца с австрияком – в хвост и в гриву!

– Брешешь, – тут же, из угла, отозвался чей-то плоский, уставший до самого дна голос.

– Да ни в жизнь, братцы! Христом Богом клянусь! – Женя, не в силах стоять на месте, подпрыгнул от нетерпения. – Вражину разбили под Гумбинненом! Слышал, пруссакам такую трепку задали, что те, не помня себя, без оглядки драпают! А в Галиции австрияков и вовсе, в два счета, на штыки подняли!

– Ничего себе... – только и смог выдавить Кирилл, и в его простодушном удивлении читалась растерянность.

– Ну, молодцы, ребята, – старческий, пропахший махоркой и многими зимами голос Кузмы прозвучал сдержанно, почти сухо. – Глядишь, мы на фронт поспеем, а они уж и войну без нас кончат.

– Сплюнь, Кузьма, грех такое говорить! – вспыхнул, алеющей глоткой, Евгений. – Я врага бить пришел, за славой, а не на готовенькое погоны получать!

– То-то ты вчера, с трясущимися коленками, так усердно молился, – ехидно, скалясь, заметил Никита. – Эх, хорош

солдат!

– Ничего подобного! Сам-то от каждого шороха затылок в плечи вжимал, а тут ишь, язык точишь!

– Ну, так ты больше ври, – Никита сделал недвусмысленный шаг навстречу, и воздух натянулся струной. – Я, того гляди, и затыкаться не буду.

И в этот миг палатка взорвалась басистым, дружным хохотом, сметая напряжение. Честно сказать, эти вечные метания Евгеши – днем он ходил надутым индюком, а по ночам, бубня, молился, как затворница, – порядком всем измучили нервы.

– Пес с вами! – взвизгнул оскорбленный Евгений, и в голосе его дрожали слезы бессильной ярости. – Не верите – я вам в бою докажу, в самом пылу!

– Ты главное в этот пыл-то сунься, а то знаем мы тебя – будешь, как всегда, в обозе торчать, – вставил свое слово Кирилл. Но потом, смягчившись, добавил тише: – А вести и впрямь добрые. Ежели уж прорываемся, то, может, и правда война не затянется.

– Точно вам говорю! – не унимался Евгений, уже публично осмеянный, но все так же неумный. – За год управимся! К зиме так и до Берлина дойдем!

Полог откинулся, и в палатку, пропуская за спину полосу холодного утреннего света, вошел Макар.

– Новости с фронта слышали?

– Да слышали, слышали, – раздался чей-то голос. – Евге-

ний тебя опередил.

— Ну дела... — Макар медленно покачал головой, в его простодушном лице читалось неподдельное изумление. — А я-то думал, немцы покрепче будут...

— Перестань, Макар, глупости молоть! — парировал Евгений, начинаясь заводится. — Против русского штыка да сапога ни одна сила в мире не устоит!

— Ладно, ладно, хватит уже, Евгеша. Иди-ка лучше, собирайся, выступать скоро.

Воодушевление, пьянящее и заразительное, будто электрический ток, охватило весь лагерь. Весть о победе над одной из лучших армий мира — той самой, о чьей мощи столько твердили, — подняла боевой дух до небес. Эта победа была стремительной, почти невероятной, на которую втайне никто не смел надеяться.

Даже Никиту, с его вечным скепсисом, новость задела за живое. Что бы ты там ни решил о себе, своих ошибках и предательстве собственных идей, — душа-то, ее ведь не обманешь, она по-прежнему болела за родину. Он помнил газетные статьи о немецком перевооружении, о той несокрушимой машине, что, по слухам, превосходила французскую и английскую, вместе взятые. А после унижительной Русско-японской, обнажившей всю гниль и небоеспособность, перспективы и вовсе виделись ему мрачными, безнадежными. И вот — этот неожиданный, легкий успех... Он заронил в его душу осторожный, робкий оптимизм. Да, он все так же

считал себя виновным в этой бойне, но, может, его роковая ошибка обойдется малой кровью? Страстно хотелось в это верить.

Противоречия же, те самые, что раздирали его изнутри во время долгих, изматывающих споров с Кириллом, окончательно окаменели. Революционер в нем умер, не выдержав столкновения с реальностью войны. Но опустевшее место не заполнилось ничем. Он по-прежнему плыл по течению, ощущая себя приговоренным, который лишь ждет часа казни. И если этой ценой удастся купить жизни других, если вся эта бойня обойдется без рек крови, – может, в этом и будет его последнее, крошечное искупление? Та самая справедливость, за которую он когда-то, казалось, совсем недавно, вел свою партизанскую войну.

– Ладно, товарищи, все готовы? – властно взял слово Кирилл, его голос вернул всех к реальности.

Ответом ему стали нестройные выкрики и молчаливое кивание двадцати голов.

– Ну, хорошо. Время пришло. На выход.

Двадцать человек, один за другим, покинули утробу палатки. Как старший, Кирилл повел их к плацу, куда уже текли, сливаясь в одно целое, сотни таких же серых шинелей. Со всех сторон неслись отрывистые команды, а гулкий, мерный топот сапог по вытоптанной земле отдавался в груди глухим гулом. Их взвод стал частью этого гигантского, бездушного механизма, созданного для одной-единственной цели

– нести смерть. Всего лишь один маленький болтик в чудовищной военной машине.

Ровно в шесть утра, под холодноватое осеннее небо, плац вытянулся по струнке ровными шеренгами солдат, застывших в ожидании. Капитан Норыжкин стоял не в стороне, а вровень со своим взводом, плечом к плечу, деля с подопечными и тягучую неизвестность, и предрассветный озноб. В начале плаца, на скрипучих мостках, сколоченных наспех, уже толпились генералы. Оттуда, сверху, должны были политься пафосные речи, но ветер рвал слова в клочья, и до задних рядов доносились лишь обрывки, лишённые смысла. Единственная весть, что долетела до отряда и врезалась в память, – их направляют в Восточную Пруссию. Туда, где была одержана та самая, первая победа, что всколыхнула лагерь пьянящим слухом.

Слухи, конечно, ходили и раньше, но теперь приказ обрел железные очертания. Командование, как всегда, держало карты при себе до последнего.

Генералы, закончив пламенное, но для большинства неслышное разглагольствование, удалились. И тут же, пронзительно и властно, взвился сигнал горна. Многотысячная масса дрогнула, содрогнулась и, с глухим топотом, тронулась с места. Она медленно потекла по дороге, подобно широкой, могучей реке, нашедшей, наконец, свое русло.

Капитан, идя в строю, сообщил, что до Гольдапа, места их первой ночевки, – примерно три дневных перехода. Че-

рез шесть дней, если наступление продолжится с прежним успехом и капризная погода не внесет своих корректив, они окажутся на линии фронта. А пока что им предстояло идти – мерно, под ритмичный лязг амуниции, вдоль бескрайних пшеничных полей родины, под сенью мощных крон, где молодые деревья соседствовали со старыми, будто отцы с сыновьями.

– Капитан, а правда, что мы немца уже гоним? – не выдержал Евгений, нарушая ритм марша своим восторженным голосом.

– По докладам – да, – ответил НORYЖКИН, не поворачивая головы. – Но я бы не обольщался.

– Отчего же? – удивился тот.

– Основные свои силы кайзер бросил на Францию. А здесь, против нас, пока что лишь заслон. Обороняющиеся остатки.

– Ну и отлично! – не унимался Евгений. – Пока они там возятся на западе, мы их с востока всей своей ратью сметем! Да ведь, парни? – он обвел взглядом сослуживцев, ища поддержки, но встретил лишь усталые, отрешенные лица.

– Как бы нас самих не смели, – мрачно заметил Кирилл, не глядя на него.

– Твоя правда, – тихо согласился капитан. – Одной победой войну не выиграть. Это только начало.

– Вы правы, капитан, – уже без прежнего задора, нехотя пробормотал Евгений, осекшийся и оставшийся в одиноче-

стве со своим неуместным оптимизмом.

Никита шел в хвосте колонны, сознательно отдалившись от суетного гвалта и бессмысленных солдатских разговоров. Он умышленно замедлил шаг, желая остаться наедине с ускользающей красотой мира. Тяжелые вещмешки за спиной казались не такой уж высокой ценой за это утешение, за глоток свободы. После двух недель в душном лагере, где воздух был густым от запахов пота, пороха и дешевой баланды, каждая былинка у дороги, каждое дуновение ветра казались актом очищения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.